

Еще раз о непереводе в переводе

Е. Доброхотова-Майкова

Последнее время, хваля перевод, обычно напирают на старательность переводчика – все, мол, реалии найдены и разъяснены. Разумеется, это необходимое условие хорошего перевода, но отнюдь не достаточное. Найти реалию – задача техническая; заставить её зазвучать в русском тексте, или хотя бы добиться, чтобы она не выпирала из него, как нечто чужеродное – вот что сложно. Очень подробно этот вопрос рассмотрен в книге С. Влахова и С. Флорина «Непереводимое в переводе». Однако готовых рецептов как не было, так и нет. Один из примеров – говорящие имена. Один переводчик рассказывал, что столкнулся с такой проблемой: киллеру говорят, что он должен застрелить жертву выстрелом точно в сердце, и тот отвечает «Я вам что, Дебейке?». Было это задолго до того, как Дебейке оперировал Ельцина. Не знаю, как выкрутился тот переводчик, но понятно, что есть два пути: написать «Дебейке» и сделать сноску, или написать «Я вам что, кардиохирург?» (Есть третий путь: написать «Я вам что, Амосов?», но его можно рассматривать только в качестве шутки). Очевидно, что и то, и другое ведет к определенным потерям. Сноска замедляет чтение, разрушает иллюзию реальности, вообще раздражает. С другой стороны, ограничиваясь переводом по смыслу, мы теряем часть выразительности. Хорошо, когда удаётся найти адекватную замену. В кино, где сноску сделать нельзя, путь замены только и возможен. Например, в вообще-то хорошо переведенном фильме «Говорящие с ветром», американский морской пехотинец обращается к связисту-индейцу «Кемо Сабе». В одном современном романе тоже попало «Кемо Сабе». Переводчик обратился к носителям, и те объяснили, что уже никто не помнит, откуда взялось имя, но употребляют его в значении «туземный проводник». В итоге он написал, кажется, «Чингачгук». Думаю, и в кино это было бы удачнее. Как-то я переводила фильм, в котором упоминался некий сенатор, замешанный в сексуальном скандале. Я-то его в энциклопедии нашла, но не отсылать же к энциклопедии зрителя! Ну, тут было совсем просто, и мэр маленького городка сказал в переводе: «Не делайте из меня Билла Клинтона» – это был анахронизм, но кто станет обращать на такое внимание в ситкоме! В книге нередко есть возможность вставить объяснение прямо в текст, но это скорее единичное решение, чем метод. У меня был случай задуматься над этой проблемой при переводе двух таких разных авторов, как Вудхауз и современный американский киберпанковский писатель Нил Стивенсон. Все читатели Вудхауза знают, как любит он сыпать цитатами, зачастую одними и теми же из книги в книгу. Занятно было увидеть, что в романе Стивенсона «Криптономикон» набор говорящих имен и литературных цитат процентов на девяносто совпадает с Вудхаузом. Впрочем, это не удивительно: оба используют для создания иронического эффекта одни и те же хрестоматийные строки и персонажи, причём для Стивенсона это уже во многом юмор по поводу юмора, цитаты не столько из конкретных авторов, сколько из определенного временного пласта, как если бы современный отечественный писатель стал цитировать Надсона. В случае Вудхауза голову сильно ломать не пришлось. Переводить его начинали Н.Л. Трауберг и И.М. Бернштейн, чей авторитет, для меня по крайней мере, неоспорим. Так вот, они приводят все цитаты и говорящие имена, причём Трауберг даёт развернутый комментарий в конце книги, который временами сам превращается в маленькое литературное произведение. Меня как читателя это в высшей степени устраивает: я люблю комментарии, обычно читаю их отдельно и вообще половину всего, что знаю, почерпнула именно из комментариев к художественной литературе. Тем не менее я могу понять людей, которых раздражает такой подход. Автор, говорят они, потешался над учёными сносками в книгах, а вы, переводчики, превращаете текст в музейный экспонат. Представьте, что в английском переводе какой-то русской книги слова «Ну ты, сусанин» будут снабжены подробным историческим комментарием о Смутном времени. Повторю, что для Вудхауза я нахожу этот подход уместным. Для примера: он часто упоминает Эмили Пост – автора книг по этикету – настолько часто, что постоянный читатель, наверное, уже может обойтись без сноски. В переводе это будет звучать примерно как: «Возможно, Эмили Пост и осудила бы Джейн...», а заинтересованный читатель может посмотреть комментарий в конце книги. Для сравнения: в словаре персоналий на эту фамилию приведен пример из Фицджеральда – «I'm not Emily Post» и перевод – «Я этикету не обучалась». У Стивенсона роль говорящих имен и цитат настолько сложна и многослойна, что никакая сноска тут всё равно не спасет, и ту же Эмили Пост мне пришлось переводить по смыслу. Или ещё один персонаж – Горацио (Хорейшо) Олджер – страшно популярный в своё время американский писатель, автор книг о том, как бедный чистильщик сапог честным трудом зарабатывает свой первый миллион. В переводе Вудхауза он так и будет Горацио Олджером, а вот в Стивенсоне фразу «Это прямо-таки из Хорейшо Олджера» я перевела как «ну это прямо из какого-то нравоучительного романа».

Особенно я горевала над фразой из «Криптономикона», в которой герой – морской пехотинец – «полбаньянит ящики». Из двух зол – дать сноску: «Пол Баньян, легендарный великан-лесоруб, герой канадского фольклора» или потерять такую красоту, я выбрала второе, уповая на то, что текст Стивенсона, как всякая хорошая литература, обладает тем, что в теории информации зовётся «избыточностью»: как мы поймём текст, в котором пропущено несколько букв, так и неизбежные переводческие потери (если их процент не слишком велик) не разрушат обаяние книги.

То же и с ходовыми цитатами. Скажем, строки из хрестоматийной «Атаки легкой кавалерийской бригады» Теннисона: «Дело их не обсуждать, а идти и умирать» – в устах Вустера звучат замечательно. Но вот Стивенсон говорит «his is not to ask why», объясняя, почему герой должен вскрыть немецкий сейф, хотя это не его обязанность. На самом деле, потому что он математик и просто не может видеть нерешённую задачу. Он – сугубо штатский человек на фронте, и вся система метафор, связанная с ним – ироническое использование военной терминологии: «Уотерхауз идет в бой, вооруженный четвертушкой писчей бумаги» и так далее. Цитата из Теннисона идеально сюда вписывается. Наверное, можно было написать что-нибудь вроде «Его дело – не обсуждать, а исполнять, как тем теннисоновским ребятам, которых во время Крымской войны послали на русские пушки», но воздействие на читателя все равно было бы настолько другим (надо ведь ещё объяснить в сноске, что он не какой-нибудь знаток поэзии, а учил эти стихи в школе), что я решила отказаться от цитаты, но сохранить систему метафор и написать «Это императив, его, как приказ, не обсуждают». Ещё одно стихотворение, которое так любит цитировать Вудхауз: китсовское «На прочтение Гомера в переводе Чэпмена», и все его переводчики приводят эту строчку – в своём или одном из двух существующих переводов. У Стивенсона оно появляется в описании рекламного ролика, когда капитан манильского галеона смотрит «в китсовском безумном озаренье». Здесь, мне казалось, важнее сохранить романтическую терминологию, чем цитату, и я хотя всё же взяла слова из русского перевода стихотворения «вперяет взор в горизонт», ужасно хотелось написать про «строгий уверенный взгляд» или даже совсем уже про «брабантские манжеты». Так вот, этого, на мой взгляд, делать нельзя. Читатель, который вообще-то забывает, что перед ним перевод, в таком месте сразу понимает, что его обманывают, что вместо автора ему подсунули какие-то фантазии переводчика, и начинает, быть может неоправданно, подозревать его в других хулиганствах. Исключение здесь – перевод детской литературы, но это настолько самостоятельная тема, что я не буду её затрагивать.

Еще одна сходная проблема: реалии их жизни, которые даже если и знакомы нам, то не имеют сходной эмоциональной окраски. Например, постоянно преследующее меня слово «чирлидер». Хотя есть переводы и «девушка из команды поддержки», и «чирлидер» (у нас уже проводятся соревнования по чирлидингу), они совершенно не передают тех оттенков, которое несёт это слово для американцев – самые клёвые девчонки в классе и так далее. Даже в одной книге мне пришлось в разных местах переводить его по-разному: где-то «тискал девчонок за школой» вместо «тискал за школой девушек из команды поддержки», или «перебрасываются записками» не «как чирлидерши», а как «двоечницы на контрольной». Иногда, пока ломаешь голову, слово успевает войти в русский язык, скажем, уже не надо биться над тем, как переводить «джакузи» и как объяснить, кто такие телепузики. Однако порой ассоциации, вызываемые словом в русском и в английском, совершенно разные. Кто-то сказал, что если у Вудхауза упоминается батончик «Марс», надо так и переводить. Может быть, в следующем поколении, когда «Марсы» и «Сникерсы» перестанут ассоциироваться с перестройкой и можно будет, а пока, мне кажется, все-таки стоит в старых книгах переводить их как «шоколадные батончики». И уж совсем неожиданный подарок судьбы, когда посторонние ассоциации, связанные со словом, оказываются на руку. В новом романе Стивенсона действие происходит во времена Реставрации, однако автор то и дело словно подмигивает читателю: вворачивает словечко, которое сейчас значит совсем не то, что в семнадцатом веке, и фраза обретает двоякий смысл. Герой – диссидент в изначальном смысле слова – пуританин, человек, не принадлежащий к государственной церкви. В другом тексте я не стала бы писать «диссидент» – заменила бы на более однозначное «диссентер», но тут терзания героя по поводу того, что он «декоративный диссидент при королевском дворе» обретают для русского читателя дополнительное вневременное звучание. Именно этой игры у автора нет, но она настолько в духе книги, что грех не воспользоваться.

Получается, что всякий раз, как не удаётся вывернуться с помощью какого-то гениального хода, или сам язык не сделает какого-нибудь неожиданного подарка, надо идти на жертвы (ибо сноска – тоже жертва). Но, по крайней мере, такие вещи надо делать осознанно, понимая, чем и ради чего жертвуешь. Остается надеяться, что по мере того, как мир становится меньше и мы больше узнаём о том, как жили и живут люди в Англии и Америке, эта проблема во многом отпадёт сама собой, как в том примере с Дебейке, с которого я начала.